Международные процессы, Том 14, № 4, сс. 176–179
DOI 10.17994/IT.2016.14.4.47.17

«ЗЕЛЕНАЯ» КРИМИНОЛОГИЯ
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Environmental Crime and Social Conflict: Contemporary and Emerging Issues / Edited by A. Brisman, N. South, R. White. Farnham and Burlington: Ashgate, 2015. 328 p.

Экологические преступления и социальный конфликт: экстренные современные вызовы[1]. Фарнэм и Бёрлингтон: Эшгейт, 2015. 328 с.

С 2012 г. издательство Ратледж (Routledge) выпускает авторские книги и коллективные монографии в рамках серии «Зеленая криминология» (Green Criminology)[2]. Так называемая **зеленая криминология**[3] представляет собой *область исследования вопросов и проблем, связанных с причинением вреда окружающей среде, а также их правового регулирования на локальном, национальном и международном уровнях*[4]. В рамках данной серии опубликован сборник статей [Environmental... 2015], авторами которых, во-первых, рассматриваются примеры различных социальных конфликтов, связанных с экологическими преступлениями, во-вторых, предлагается оригинальная типология конфликтов, наносящих вред окружающей среде. Конфликт концептуализируется исследователями как насилие или угроза насилия, возникающие в силу существующих разногласий и несовместимости интересов, приоритетов, ценностей и представлений заинтересованных сторон [Environmental... 2015: 1]. В фокусе внимания исследователей – социальные причины и социальные последствия данных конфликтов.

Первый тип конфликтов разворачивается на глобальном (между государствами) и локальном уровнях (внутри одной страны) за право обладания природными ресурсами, то есть доступа, контроля над ними и их использования. Ключевыми причинами, лежащими в основе конфликтов первого типа, авторы называют: стремление к обогащению (жадность), социально оправдываемое и поощряемое идеологией неолиберализма и «свободного рынка»; «ресурсное проклятие» регионов, стран, обладающих большими запасами определенных природных богатств, провоцирующих скрытую, а иногда и открытую борьбу между различными группами, политическими силами общества за возможность ими распоряжаться [Environmental... 2015 : 3-6]. Социальные последствия конфликтов за природные ресурсы, особенно принимающих вооруженную форму, становятся катастрофическими:

[1] Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект 16-18-10315 в Санкт-Петербургском государственном университете.

[2] Подробнее ознакомиться с книжной серией «Green Criminology» можно на сайте издательства [Электронный ресурс]. URL: https://www.routledge.com/Green-Criminology/book-series/GREENCRIM (дата обращения: 07.10.2016)

[3] Термин «green criminology» был предложен М. Дж. Линчем в 1990 г. и объяснен в работе: Frank N.K., Lynch M.J. Corporate Crime, Corporate Violence. Albany : Harrow and Heston, 1992.

[4] В отечественном научном дискурсе отсутствует «калькированный» вариант перевода термина «green criminology», а его предметная область пересекается с отраслью криминологии, занимающейся исследованиями преступлений против окружающей среды, прежде всего, экологической криминологией.

приводят к геноциду, убийствам, трудовой эксплуатации, вовлечению детей в вооруженные столконовения и т. д[5].

Второй тип конфликтов – конфликты по поводу истощающихся ресурсов, уменьшающегося запаса природных богатств. Ярким примером могут служить споры по поводу водных запасов, так называемые водные войны (water wars) между рядом африканских государств в отношении прав на воды реки Нил. Нехватка ресурсов приводит также к внутри- и межгосударственной экологической миграции. Однако между климатическими беженцами и жителями принимающего общества нередко разгораются социальные конфликты на религиозной и этнической почве в ходе конкуренции за ресурсы. Авторы отмечают, что в мире все более остро стоит проблема продовольственной безопасности[6] и доступности в условиях изменения климата. Борьба за продовольственные ресурсы может происходить не только в физической форме, но и культурной – разрушается традиционный для различных социальных и этнических групп образ жизни, в том числе диеты, культура питания и символика [Environmental... 2015: 6-9].

Третий тип конфликтов отличается от описанных выше примеров тем, что они не возникают в ходе борьбы за экологические ресурсы. Социальные конфликты этого типа сами приводят к экологическим преступлениям и разрушениям. Нанесение вреда природе рассматривается в качестве тактического или технического хода. Природа используется как инструмент, средство социального конфликта. Например, окружающей среде наносится вред (экоцид) в ходе производства, использования и хранения биологического или химического оружия, как в стране его производства, так и применения[7]. При этом в условиях глобального неравенства наиболее уязвимыми перед экоцидом оказываются страны третьего мира, где легально используются технологии, признанные опасными для природы и благополучия человека и запрещенные в развитых странах [Environmental 2015: 10-13].

Четвертый тип – конфликты, возникающие по поводу методов и технологий добычи природных ресурсов (извлечения полезных ископаемых, их транспортировки, создания инфраструктуры, проч.). Добыча газа и угля, заготовка леса – находятся в центре полемики многих заинтересованных сторон. Протесты экологов, выступающих не только за сохранение лесов и рек, но и прекращение добычи угля и нефти, охоты и рыболовства, не находят отклика не только со стороны добывающих компаний, имеющий несомненный экономический интерес, но и работников этих компаний, опасающихся, прежде всего, безработицы, социальной незащищенности [Environmental... 2015 : 15-17].

Последующие главы книги представляют собой рассмотрение кейсов различных экологических конфликтов. Так, в главе, написанной Таней Уайт, внимание фокусируется на экологических и социальных последствиях незаконной лесозаготовки и добычи древесины[8] в различных регионах ми-

[5] Interim Report of the Panel of Experts on the Illegal Exploitation of Natural Resources and Other Forms of Wealth of the Democratic Republic of the Congo, United Nations Document S/2002/565/22 May, 1–19 [Электронный ресурс]. URL: http://www.unhcr.org/refworld/pdfid/3d0471ad4.pdf. (дата обращения 01.10.2016).

[6] Подробнее о вопросах продовольственной безопасности в современном мире см.: Положение дел в связи с отсутствием продовольственной безопасности в мире 2015. Карта голода ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций) 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.fao.org/hunger/ru/ (дата обращения: 07.10.2016)

[7] Environmental impact of radioactive releases – 1995 Proceedings of a Symposium, Vienna, 8–12 May 1995. International Atomic Energy Agency, Vienna, 1995. 874 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/earthwatch/radioactivewaste/ (дата обращения: 03.10.2016)

[8] Подробнее о вопросах и проблемах защиты природных ресурсов в зонах конфликтов смотрите доклад ООН: United Nations Environment Program (UNEP). Protecting the Environment and Natural Resources in Conflict Areas. United Nations Environment Program. 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/zh/events/environmentconflictday/pdfs/int_law.pdf. (дата обращения 01.10.2016)

ра [Waytt 2015]. На основе анализа баз данных и аналитических отчетов различных организаций[9] автор пытается определить место природных ресурсов, в данном случае древесины, в социальных конфликтах (внутри- и межгосударственных). Автор ищет ответ на вопрос: являются ли природные ресурсы целью социальных конфликтов или средством борьбы в них (например, источником финансирования для конфликтующих сторон). Известные факты и зарегистрированные конфликты по поводу незаконной лесозаготовки недостаточны и не позволяют обоснованно говорить о роли и месте природных ресурсов в них. Однако исследователь делает вывод, требующий дальнейшей эмпирической проверки, о том, что изобилие природных ресурсов, в частности древесины, скорее способствуют усугублению, обострению социального противостояния в конфликтных зонах, нежели его прекращению (в рассматриваемых автором примерах природные богатства нередко используются в качестве финансового ресурса для противоборствующих сторон). Ситуация усугубляется негативными экологическими (исчезновение биологического разнообразия, изменения климата) и социальными (под угрозой находятся жизнь, здоровье, физическая и экономическая безопасность населения) последствиями [Waytt 2015: 49-52].

С предметным полем *green cultural criminology*, что можно перевести как культуральная криминология преступлений против окружающей среды[10], читателей знакомит Ави Брисман на примере репрезентации экологических конфликтов в современной литературе и кинематографе США. Исследователь отмечает две ключевые тенденции в репрезентации конфликтов по поводу природных ресурсов в художественной литературе в настоящее время. *Во-первых*, экологические бедствия все реже изображаются как результат социальных конфликтов (например, использования государствами ядерного оружия), а все чаще как ущерб, наносимый человеком природе, экоцид становятся причиной других бедствий – катастроф, ядерных взрывов и т.д. *Во-вторых*, такого рода романы и повести наиболее часто имеют назидательный характер, предостерегают человечество от ошибок и оставляют ему надежду на спасение.

Отличны репрезентации конфликтов по поводу природных ресурсов и экологии в американском кино. Они не носят назидательного характера. Широко распространены и популярны картины, в которых экологический конфликт либо играет незначительную, дополнительную роль в сюжетной линии, либо является причиной, поводом для возникновения конфликта (например, фильм режиссера Эдварда Цвика «Кровавый алмаз» 2006 г.). Подобные фильмы абсолютно не направлены и не способствуют привлечению внимания аудитории к конфликту, имеют «счастливый конец» – завершаются восстановлением социальной справедливости (что не соответствует реальному положению дел), таким образом развивая у публики нечувствительность к демонстрируемым экологическим проблемам. Иные распространенные типы репрезентации экологических конфликтов в кино также нацелены на укрепление существующих социальных и политических норм[11], не указывают на необходимость из-

[9] Например, таких организаций как: Гейдельбергский институт международных исследований конфликтных ситуаций (Heidelberg Institute for International Conflict Research), Международной организации по тропической древесине (International Tropical Timber Organization).

[10] Подробнее о культуральной криминологии как отрасли криминологии смотрите: Гилинский Я. Некоторые тенденции мировой криминологии // Российский Ежегодник уголовного права. 2013. №6. С. 8–31. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iuaj.net/node/1699. (дата обращения 03.10.2016). Другие работы Ави Брисман, подробно освещающие данную проблематику: Brisman, A., South, N. A green-cultural criminology: an exploratory outline. Crime Media Culture. 2013. 9(2). P. 115–35.

[11] Об успешности механизмов политической социализации, укрепления социальных норм телевизионной аудитории посредством развлекательных программ смотрите Carlson J. Television Entertainment and Political Socialization. // Media" Res: Readings in Mass Media and American Politics / Ed. by Jan. P Vermeer. N.Y.: McGrawHill, Inc. 1995. P. 47–55.

менения культурных и социальных установок и правил, регулирующих и формирующих отношение современного индивида к собственной планете, проявлению более ответственного отношения к ее экосистеме, природе. В обоих случаях – когда экологические конфликты приводят человечество к необходимости искать новые планеты для жизни, или Землю атакуют враждебно настроенные пришельцы – социальный порядок восстанавливается (земляне побеждают) благодаря новым технологиям, способным ликвидировать нанесенный природе ущерб, или основанным на новых планетах колониям.

Данные установки и представления, по мнению автора, созвучны реальным политическим и общественным дискурсам по поводу экологических проблем и конфликтов – безусловная вера в технологическое решение проблем вокруг окружающей среды (технологический фатализм, технологический оптимизм и геоинженерия[12]) и значительно меньшее внимание к социальным аспектам решения данных вопросов. Однако, как показывает уже имеющийся опыт, любая новая технология приводит к непредсказуемым последствиям для природы (например, изменению биохимического состава воды, почвы), а «переезд» на другую планету не гарантирует бережное отношение человека к ней. Важность и актуальность внимания науки к культурным исследованиям экологических конфликтов и проблем видится исследователю в том, что в современных обществах продукты массовой культуры играют важную роль в формировании общественной и индивидуальной повестки дня, а также конструировании представлений людей.

Таким образом, многостороннее сотрудничество в сфере экологии, включая, например, защиту лесов, ставшие в последние годы приоритетами для ООН и других международных структур, довольно быстро обнаружило конфликтный потенциал, притягивающий внимание и исследователей, и практических политиков.

Результаты исследований авторов рецензируемой монографии заставляют серьезно задуматься над воросом о том, чем вызвано столь пристальное внимание к экологическим конфликтам. Сплачивается ли человечество перед лицом экологической угрозы? Создаются ли новые институты конфликторазрешения в сфере экологии? Не ведется ли поиск новых поводов для оказания давления на государства мира и даже вмешательства во внутренние дела? Во всяком случае, экологические конфликты объективно выходят за пределы отдельного государства и становятся вопросами международного регулирования.

Лилия Панкратова
кандидат социологических наук

[12] Глава ООН призвал использовать научный потенциал при определении новой модели развития человечества // Центр новостей ООН. 30.01.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=21018#.V_1PtuWLTMy. (дата обращения: 03.10.2016).